

Кирилл МИРОВОЙ

A movie poster for 'The Bridge' (Мост). It features a woman with long brown hair and a cracked, metallic-looking face, looking upwards. She is holding a glowing, cracked stone. The background is a dark, swirling space with bright light streaks and a bright star in the upper right. The title 'МОСТ' is written in large, white, serif letters, and 'ПЕРЕПЛАВКА' is written in smaller, white, sans-serif letters below it.

МОСТ
ПЕРЕПЛАВКА

Кирилл Мировой

Мост. Переплавка

«Автор»

2026

Мировой К.

Мост. Переплавка / К. Мировой — «Автор», 2026

Семнадцать лет назад комета K7Эпсилон исчезла в районе Нептуна. О ней забыли. Но когда она вернулась, её траектория изменилась, и на Землю пролился светящийся дождь. Он не убивает — он меняет. Кожа становится серебристой, кости мягкими, а внутри начинает пульсировать чужой сиреневый свет. Начинается «переплавка». Игнат Рукавишников терял жену Ингу шестнадцать лет назад. Теперь его дочь Настя — единственная, кто сопротивляется загадочной трансформации. Вместе с чудаковатым физиком Витей, который ведёт бумажный дневник и не доверяет цифровым технологиям, они отправляются на Север — к Барсовой горе, где, по легенде, живут хранители, пережившие подобную катастрофу тысячи лет назад. Но за ними уже началась охота. Учёные, спецслужбы, криминальный синдикат «Новый Порядок» — все хотят заполучить Настю, в которой течёт кровь хранителей. Она — мост между мирами. И от её выбора зависит, станет ли этот дождь концом человечества — или его новым началом.

© Мировой К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Пролог	6
Часть первая: Танец в сияющих водах	7
Глава 1. Тучи с запада иризация облаков	8
Глава 2. Пацанка	10
Глава 3. Знакомство	12
Глава 4. Предчувствия	15
Глава 5. Что ты такое?	17
Часть вторая: Ускользающая тень	20
Глава 1. Масло и бензин	20
Глава 2. Поэт и механик	21
Глава 3. Ураган и выбор	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Кирилл Мировой

Мост. Переплавка

Глава

Кирилл Мировой

Пролог

Её заметили случайно.

Среди тысяч тусклых точек в созвездии Лебедя — одна двигалась не так как положено небесному телу, соблюдающему все законы астрофизики, когда-то открытыми Ньютоном, Коперником, Эйнштейном и другими знаменитыми учёными. Поэтому все астрономы-любители, крупнейшие мировые обсерватории и институты космической физики зафиксировали это необычное небесное тело. Она получила скромное обозначение К7-Эпсилон и двигалась по вытянутой орбите со стороны созвездия Лебедя.

Первые вычисления успокаивали: траектория небесной странницы проходила на огромном расстоянии от Земли — более ста миллионов километров. Никакой угрозы для человечества комета не представляла. Учёные даже шутили, что К7 скорее коснётся орбиты Нептуна, чем побеспокоит земную атмосферу.

А потом она исчезла. Совсем. Бесследно.

Это случилось как раз в районе орбиты Нептуна. Телескопы наводились на расчётные координаты снова и снова — пустота. Космические зонды не фиксировали никаких аномалий. Специалисты разводили руками: возможно, небесное тело распалось, но тогда должны остаться осколки, пыль хотя бы. Возможно, оно изменило траекторию из-за гравитационного возмущения. Гипотез было множество, но ни одна не подтвердилась.

Шли годы. О К7 забыли. Архивные данные пылились на серверах, астрономические журналы переключились на более яркие и на данный момент времени, существующие объекты.

И вот, спустя семнадцать лет, она появилась. Из пустоты. Опять в районе орбиты Нептуна. Но с другой стороны его орбиты и... удалялась от Солнца.

Вот только её траектория изменилась. И по всем подсчётам астрофизиков, её орбита должна была проходить по траектории орбиты Земли!

Но никто, а главное — ничто — ни один аппарат, ни один телескоп её не видел, пока она опять не появилась на орбите Нептуна. Все решили, что она, пролетев около Солнца или отправившись за границы Солнечной системы, или исчезнет в пекле нашей звезды.

Они ошибались.

Комета несла не смерть.

Она несла перемены.

Часть первая: Танец в сияющих водах

Глава 1. Тучи с запада иризация облаков

Игнат Рукавишников любил утро в мастерской.

Запах машинного масла, озона от сварочного аппарата и старой резины — для него это был любимый аромат утра. А если ещё со свежесваренным кофе.

Пока город просыпался, готовился к выходному дню и листал новости, Игнат уже был под капотом внедорожника, который вчера приволокли на эвакуаторе. Хозяин — знакомый бизнесмен — жаловался на странный стук в двигателе. Трое механиков из «Медведя» развели руками. Игнат приехал, послушал полминуты и сказал:

— Распредвал.

Он сжимал в руке динамометрический ключ, проверяя момент затяжки. Рядом, как всегда уверенно, стоял Сергей — Борода, начальник охраны и по совместительству старший механик, бывший десантник с лицом, вырубленным из гранита, с густой чёрной бородой, но до блеска лысый. Шрам от осколка на предплечье — напоминание о Чечне. И на этом же предплечье татуировка молодого смеющегося парня. Борода не любил об этом говорить. Не о войне, не о сыне.

— Игнат, ну ты даёшь. Как? Едрит-карбид! Я с этим мотором уже третьи сутки е... - он чуть не сматерился. но остановился на секунду — ...ничего не нашёл! А ты с порога...

— Потому что слышать нужно машину, — не оборачиваясь, ответил Игнат. — Она тебе всё сама и расскажет. Понял, лысая ты борода! — подмигнул ему Игнат. — В третьем цилиндре микро пропуск. И клапан слегка пристукивает. На холостых не различить, а под нагрузкой загремит.

Он вылез из-под капота, вытер ветошью руки. Кожа на ладонях была вечно в масле — отмыть невозможно, да он и не пытался.

— Концерт сегодня, — сказал Борода. — Ты как - нормально? Или есть, всё-таки «жим-жим»?

— «Жим-жим», Борода, — это когда не знаешь, что делать. Я знаю. Всё будет в порядке. — Игнат похлопал его по плечу.

Борода с улыбкой хмыкнул, потёр шрам.

— Эх, Игнат, в прошлой жизни я б с тобой в разведку бы дёрнул, это точно. И как у тебя так всё складывается? — Эх, мне бы так. — улыбаясь, вздохнул Борода

— Всё. Проехали. У нас сегодня другой бой — творческий.

— Ага! Творческий. — Борода продолжил работу с машиной. — Но, всё-таки, бой! Или бой будет после концерта?

Борода через плечо, ехидно улыбаясь, посмотрел на Игната. Игнат не мог понять, что тот хочет сказать.

— Ты о чем? — спросил Игнат, зная его приколы, и начиная догадываться о его намёке.

— Игнат, не тупи, - повернувшись, сказал Борода и постучал пальцами по шее, намекая на выпивку.

— Борода! — постарался посерьёзнее сказать Игнат, но всё равно смех одержал верх, и они оба рассмеялись.

— Заканчивай уже с машиной, вчера ещё отдать её обещали. — хлопнул он по плечу Бороду.

— Викторыч, - Борода, почти перестав смеяться обратился к Игнату, и уже совсем серьёзно продолжил. — ты сегодня вечером постарайся...

— Чего постарайся? — не понял Игнат.

— Постарайся вечером... - Борода подошёл по ближе, и полушёпотом продолжил, - ... без «жим-жим».

И снова рассмеялся.

— Да, иди ты! – улыбаясь, сказал Игнат, оценив очередную нелепую шутку друга и подчинённого, - Справимся.

Борода, всё ещё смеясь полез под капот машины, заканчивать затянувшийся ремонт.

Из кармана раздалась мелодия. Игнат достал телефон — мэрия.

— Рукавишников.

— Игнат Викторович, это Виктор Степанович. Хотел поинтересоваться, как у нас дела? Всё готово?

— Всё готово, Виктор Степанович. Сцена проверена, звук, свет. Охрана — сто человек. Медики на месте. Я отвечаю за каждый болт.

— Спасибо, Игнат Викторович. Знаю, что вы человек слова. И погода на нашей стороне. Синоптики утром передавали — ясно, без осадков.

— Да. Прогноз хороший со всех сторон, Виктор Степанович. Но техника у нас готова к любым осадкам. Так что — матч состоится в любую погоду. Не волнуйтесь.

— Вот и отлично. Вечером я буду обязательно. У меня дочь поклонница этой группы. Так что увидимся. До встречи.

— До встречи.

Игнат убрал телефон. Борода, закрывая капот, хмыкнул:

— Хозяйственник. Всё предусмотрел. Мазут тебе в карбюратор. – снова рассмеялся Борода.

Игнат улыбаясь посмотрел на Бороду, на его блестящую, как будто натёртую и наполированную лысину и на его раненное когда-то предплечье с татуировкой молодого смеющегося паренька.

Глава 2. Пацанка

Настя проснулась от того, что на кухне гремела посуда.

Бабушка готовила завтрак. Пахло омлетом, душистым чаем и свежем-нарезанным салатом. Настя натянула одеяло до подбородка и ещё минуту лежала, глядя в потолок.

— Вставай, соня! — крикнула бабушка. — Омлет стынет.

Настя нехотя выползла из кровати. Набросила на себя плед и поплелась на кухню на ароматы, которые оттуда доносились.

- Доброе утро, - улыбнулась бабушка Насте, которая смотрела на всё одним глазом, потому что в окно ярко светило солнце, - иди умывайся и за стол.

После утреннего моциона Настя, переоделась и накинула любимую куртку клуба «Медведь» — старую, потёртую и местами засаленную, с нашивкой в виде медвежьего когтя. Бабушка при виде куртки всплеснула руками.

— Опять эту замызанную куртку надела? У тебя же есть нормальные вещи.

— Она не замызанная, Алла Андреевна. Это — винтаж. Это — стиль.

— Стиль — это когда чистое и глаженое. А это — ворон на огороде пугать.

Настя хмыкнула, села за стол. Омлет исчез в считанные минуты. Бабушка смотрела на неё поверх очков. И вдруг поморщилась, потёрла кисть правой руки.

— Бабуль, чего ты?

— Суставы ломит. Старость. — Алла Андреевна покачала головой. — Это всегда перед непогодой. К дождю.

— Ба, ну какие дожди? — Настя взяла телефон, открыла прогноз. — Синоптики обещают ясно. Температура двадцать два. Никаких осадков.

— Синоптики — люди, — усмехнулась бабушка. — А суставы не врут. Может, и пронежёт, а может, и намочит. Ты хоть куртку нормальную возьми с собой. Не эту же потёртую и в машинном масле.

— Алла Андреевна, на концерте будут сотни фанатов! Я должна выглядеть стильно, как Макс Планк.

— Кто? — с удивлением спросила Алла Андреевна.

— Макс Планк — солист группы.

— Макс Планк, — повторила бабушка, усмехнувшись. — А рядом ты в этой страшной куртке.

Настя закатила глаза, но куртку решила не снимать.

— Ты бы лучше посмотрела, что за группа играет, — сказала она, протягивая бабушке телефон с видео репетиции. — «Квантовый сдвиг». Они гении!

Алла Андреевна надела очки, посмотрела полминуты на экран, где бородатые парни в чёрном терзали гитары.

— Господи Иисусе. Это что, музыка? У них лица такие, будто ёжиков рожают.

— Бабушка! Это рок! Это энергия! Ты просто не понимаешь.

— Да, куда уж мне. — Бабушка вернула телефон. — Твоя мать тоже такое любила. На мотоцикле носилась, по скалам лазала. Ветер, а не девчонка. Может быть, потому что мы с дедушкой мальчишку хотели. А родилась пацанка.

Настя замерла. Потом встала, подошла к старому шкафу, достала с полки фотографию. Инга на мотоцикле — ветер в волосах, смех на лице, сияющие глаза.

— Она правда была такой? — спросила Настя тихо.

— Ураган, — усмехнулась бабушка. — Мы с твоим дедом молились, чтобы она дожила до двадцати. Дожила. И тебя родила.

Настя провела пальцем по фотографии.

— Я на неё похожа?

Алла Андреевна посмотрела на внучку долгим взглядом.

— Ты — её копия. Та же улыбка. Тот же взгляд. Только упрямства в тебе побольше. Но это уже от отца.

— Это хорошо или плохо?

Бабушка помолчала. Взяла Настю за руку, притянула к себе.

— Это — судьба, Настя. Просто будь осторожнее. Очень тебя прошу.

— Бабуль, ты чего? — Настя насторожилась. Бабушка не была сентиментальной. Она могла приглубить, но не причитать.

— Не знаю, — Алла Андреевна отпустила внучку, вытерла глаза. — Сердце не на месте. Беспокойство какое-то.

— Ничего не случится, — Настя обняла бабушку. — Я же с папой. А папа — он всё может. Правда?

За окном раздался звук мопедного клаксона.

— Правда, — вздохнула бабушка. — Иди уже. Витя твой уже ждёт.

Настя спрятала фотографию обратно в шкаф. Кивнула, не оборачиваясь.

— Ладно. Я поехала.

— Куртку нормальную возьми!

— Люблю тебя!

— Вите привет передай!

— Обязательно! — крикнула Настя бабушке, надевая «казаки». — Витя, тебе привет от бабушки! — громко сообщила Настя парню на мопеде, выходя во двор.

Дверь хлопнула.

Алла Андреевна, проводив взглядом уезжающую за окном молодую пару, потерла ноющую кисть. Посмотрела на чистое, ясное небо.

— Не спокойно мне как-то, — прошептала она. — Ох, не спокойно.

Глава 3. Знакомство

Настя и Витя подошли к мастерской пешком.

Вернее, они прошли последние три квартала, толкая перед собой старый мопед — цепь соскочила окончательно, и заводить его не было смысла. Настя пыхла, Витя пытался выглядеть бодрым, но его очки то и дело сползали на кончик носа.

— Я же говорила, надо было ремонт сделать ещё неделю назад, — буркнула Настя, вытирая лоб.

— Ты говорила. А я предлагал отвезти в мастерскую, — ответил Витя. — Но ты сказала: «Папа сам посмотрит, он лучше всех».

— И правильно сказала.

— Правильно, конечно, но это было две недели назад.

Они остановились у ворот. Игнат как раз вышел из дверей и собирался покурить. Но, увидев дочь с мопедом — и парня рядом с ней, убрал сигареты в карман.

В шестнадцать Настя была уменьшенной, женской копией Инги и поведением Игната: такие же упрямые карие глаза, чуть вздёрнутый нос и та же уверенность в движениях.

Витя, не зная, какой может быть реакция, на всякий случай остался поодаль. Настя никогда никого не приводила в мастерскую отца.

— Цепь? — спросил Игнат.

— Да, — смущаясь, ответила Настя.

— Я тебе ещё две недели назад говорил, что такое может произойти, — сказал Игнат, выбирая ключ, чтобы начать ремонт. Он заметил щуплого паренька невдалеке, но ничего не сказал.

Настя с удивлением посмотрела на Витю, мол, откуда папа узнал о нашем разговоре? Витя в ответ только сделал непонимающее лицо и пожал плечами. Витя видел её отца впервые и, поэтому никак не мог сговориться с Игнатом об одном и том же.

Игнат взял мопед, перевернул его. Пальцы забегали по механизму — быстрые, чёрные от масла. Через минуту цепь уже сидела на месте.

— Фокусник, — сказала Настя.

— Работа, дочка. Работа и опыт.

Он вытер руки ветошью. Игнат хотел сегодня поговорить с дочкой до концерта — про школу, про тренировки, про... мальчиков. Он готовил этот разговор несколько дней. Но потом посмотрел на парня.

Тот стоял чуть поодаль, переминался с ноги на ногу, поправлял очки. Рюкзак висел на одном плече. Из рюкзака торчал угол потрёпанной тетради — толстой, в твердой обложке, явно не купленной в магазине, а сделанной вручную. Вроде бы обычный. Не наглый. Даже, пожалуй, вежливый и скорее всего застенчивый. Какая-то полная противоположность Насти. Игната это даже немного смутило. Не такого он представлял рядом с дочерью... парня. На ум Игнату даже слово такое с трудом пришло. Ладно — поживём — увидим, решил он и вернулся от раздумий к мопеду.

Игнат решил, что не стоит сейчас заводить этот разговор, который он планировал. Да ещё и при незнакомом парне, которого дочь ещё и не представила, это будет выглядеть так, будто он пилит её при постороннем.

Настя посмотрела на Витю, потом на отца. Что-то поняла. Улыбнулась.

— Пап, это Витя, — сказала она, кивнув на парня. — Мой... одноклассник. Он физик и астроном. Представляешь?

— Здравствуйте, Игнат Викторович, — сказал Витя. Голос ровный, без заискивания. — Настя много о вас рассказывала.

— Хорошего или плохого? — спросил Игнат без улыбки.

— Хорошего. Что вы лучший в городе по моторам и машинам. Мой дядя часто к вам заезжает ремонтироваться. А у него непростая машина — гибрид.

Игнат посмотрел на него. Секунду. Другую. Ничего. Ни раздражения. Ни тепла. Просто парень. Вежливый. Не тупой. И эта тетрадь в рюкзаке — странная.

— Ну, здравствуй, — сказал он наконец. — На концерт?

— Если честно, — Витя чуть смутился, — я очень хочу послушать «Квантовый сдвиг». И... комету посмотреть. Говорят, сегодня она будет особенно ярко видна.

— Комету? — Игнат перевел взгляд на Настю.

— Он у нас учёный, — усмехнулась Настя. — Рассказывает про квантовую запутанность и чёрные дыры. И дневник ведёт.

— Дневник? — удивился Игнат.

Витя, заметив взгляд Игната, достал из рюкзака ту самую тетрадь. Показал.

— Бумажный, — сказал он. — Вся информацию, что я собираю, записываю сюда.

— А почему не в ноутбук или какой-то гаджет? — спросил Игнат. — Сейчас же век цифровых технологий.

— А вы знаете, где будет храниться та информация, которую я внесу в ноутбук или, как вы говорите, гаджет?

— Там и будет храниться — на диске.

— Современное заблуждение, не знающих истины, людей! Всей этой информацией могут пользоваться другие люди в разных местах нашей планеты. И вы даже не узнаете об этом. Цифровую запись могут украсть, стереть, подменить. Какие бы пароли ни ставил. А бумага... бумага хранит информацию веками. Особенно если обработать страницы специальным раствором.

Игнат взял тетрадь в руки. Полистал. Аккуратный почерк, схемы, таблицы. Зарисовки звёздного неба, формулы какие-то. Даты, координаты. Он мало что понял в этих записях, но почувствовал уважение к той тщательности, с которой они были сделаны.

— Сам делаешь? — спросил он, возвращая тетрадь.

— Сам. Обложку — тоже.

— А телефон? — Игнат заметил в кармане куртки Витя кнопочный аппарат — старая добрая «раскладушка». — Тоже для защиты?

Витя кивнул.

— Кнопочный. Не отследить. Не взломать. А номера я помню наизусть.

— Прямо все номера? — удивился Игнат.

— Применяю метод образной памяти. Семёрка — коса, двойка — лебедь и так далее. Составляешь из цифр картинку, которая связана с человеком или учреждением, и — всё! Легко запомнить.

— И совсем интернетом не пользуешься?

— Да, как же? — сейчас без интернета никуда — ответил парень, — но всего должно быть в меру.

— Да он безмерно им пользуется, — вставила свои «пять комеек» Настя.

— И что? — посмотрел на неё Витя, — да, я интересуюсь и изучаю программирование.

— Да, он что хочешь взломать может, — улыбнулась Настя и подытожила, — хакер!

— Не надо! — возразил Витя, — таким я не занимаюсь!

— Но можешь? — не унималась Настя.

— Могу, но не буду, — начинал заводиться Витя, — И то, только в крайней необходимости.

Игнат посмотрел на Настю. Та пожала плечами с видом «я уже привыкла».

— Интересный у тебя друг, — сказал он.

— Гениальный, — поправила Настя. — Просто ты ещё не понял.

Игнат ничего не ответил. Полез в карман куртки. Достал два пластиковых браслета. Один протянул Насте. Второй зажал в кулаке.

Настя знала, что второй браслет он всегда носил для мамы. Знала, как трудно ему было его отдать. Но сейчас — почему-то — она не чувствовала прежней горечи. Может, потому что Витя стоял рядом и смотрел на браслет так, будто это был билет на другой конец вселенной.

Игнат, посмотрев сначала на Настю, потом на Витю, протянул ему браслет.

— Держи, — сказал он. — Пойдёшь за кулисы. Только без глупостей.

Витя опешил.

— Правда? Я... спасибо. Огромное спасибо, Игнат Викторович.

Он взял браслет так бережно, будто это была не пластиковая полоска, а реликвия. Спрятал в карман куртки, рядом с тетрадью.

Настя смотрела на отца. В её глазах плескалось удивление и благодарность.

— Спасибо, пап, — сказала она тихо.

Игнат кивнул, не глядя на неё.

— Ладно. Езжайте. Я на площади буду через час. Настя, присмотри за ним. И чтоб без глупостей.

— Я всегда без глупостей, — усмехнулась Настя.

— Я серьёзно.

Она чмокнула его в щеку, схватила Витю за руку и потащила к мопеду.

— Пошли, учёный. Покажу тебе настоящий рок.

Витя обернулся на ходу:

— Спасибо, Игнат Викторович. Честное слово. Я всё запишу в дневник. Сегодняшний день. И вашу доброту.

Игнат не ответил. Смотрел им вслед. Достал пачку сигарет и, наконец-то закурил.

Странное чувство. Ни злости. Ни ревности. Даже особого интереса. Просто лёгкое недомогание. Парень какой-то... не от мира сего. С его кнопочным телефоном, бумажным дневником и раствором для страниц.

Но Настя смотрит на него так, будто он подарил ей звезду.

— А Инге бы он понравился? — спросил Игнат тихо. У самого себя.

Ветер не ответил.

Он выдохнул дым, посмотрел на небо. Ясное небо. Но внутри что-то уже щемило. Непонятное, тревожное.

Глава 4. Предчувствия

Солнце медленно тонуло в мареве городского смога, окрашивая небо в грязно-багровые тона. Но центр города жил другой жизнью — жизнью предвкушения. На главной площади царил контролируемый хаос, который Игнат Рукавишников называл «творческим беспорядком». Десятки людей возились у огромной сцены, проверяя работу усилителей и световой аппаратуры, укладывая кабели, проводили финальный чек. Сам Игнат, широкоплечий, в потёртой кожаной куртке, стоял поодаль, заложив руки за спину, и наблюдал за работой. Его взгляд, привыкший оценивать геометрию подвески и чёткость линий кузова, с удовлетворением отмечал слаженность механизма под названием «рок-концерт».

— Рукавишников, тут тебя пресса спрашивает! — крикнул молодой парень с проколотой бровью, монтажник Сашка. — С телеканала!

Игнат поморщился. Он не любил интервью. Его стихией были моторы, металл и грохот музыки, а не пустая болтовня.

— Скажи, что я уехал. Срочная поломка... где-нибудь, — отмахнулся он.

Из-за спины раздался звонкий смех.

— Опять от известности хочешь сбежать?

Из тени грузовика вышла Настя. Рядом с ней стоял Витя. Поправлял очки, оглядывал сцену с таким видом, будто видел её впервые в жизни — хотя на самом деле он был здесь уже третий раз за неделю.

— Не люблю я все эти... интервью, — парировал Игнат, с любовью глядя на дочь. Потом перевёл взгляд на Витю. — Как, интересно?

— Конечно, — глаза Витя горели от всего происходящего. — Я... я хочу посмотреть, как работает звук. У них там, наверное, сложная акустическая система.

— Сложная, — усмехнулся Игнат. — Потом увидишь, как она устроена.

— Здорово, — с восторгом сказал Витя.

Настя закатила глаза.

— Пап, его не подзадоривай. Он и так вчера всю ночь не спал — дневник заполнял. Записи про комету.

— Комету? — Игнат поднял бровь.

— Уникальное явление, — с готовностью начал Витя. — Комета К7-Эпсилон. Она исчезла в районе Нептуна несколько лет назад, а теперь вернулась. Никто не знает, как она изменила траекторию. Гравитационный манёвр? Столкновение с неизвестным объектом? Теоретически...

— Потом, учёный, — перебила Настя, дёргая его за рукав. — Сначала концерт.

Витя покраснел, замолчал. Игнат посмотрел на него ещё раз. Станный парень. Но Настя рядом с ним улыбается. И это, пожалуй, главное.

— Ладно. Вы готовы? Группа уже скоро выходит.

— Я родилась готовой, — Настя подошла и встала рядом с отцом, повторяя его позу. — Мама бы обалдела от такого концерта.

При упоминании Инги сердце Игната, как всегда, сжалось. Прошло шестнадцать лет, а боль не притупилась. Инга, его неукротимая Инга, с её страстью к высоте и скорости. Вся его нерастратенная любовь к ней теперь принадлежала вот этому худенькому созданию с насмешливым взглядом.

— Мама бы первая полезла на самую верхнюю ферму сцены, чтобы сфотографировать всё вокруг, — усмехнулся он.

— Или играла бы на бас-гитаре вместо Лексуса, — добавила Настя.

Витя слушал этот диалог с лёгким недоумением, но ничего не спросил. Только достал из рюкзака свою толстую тетрадь и что-то быстро записал.

— Это ты сейчас зачем? — спросила Настя.

— Отмечаю координаты. И время. На всякий случай.

— Какой случай?

— Любой, — серьёзно ответил Витя. — Информация не бывает лишней.

Они стояли молча, слушая, как город наполняется гулом. На площадь стекались люди. Концерт стал главным событием Дня города, и Игнат гордился этим. Он, владелец сети автомастерских, выбил разрешение у городской администрации, настоял, организовал. Это была его территория. Его музыка.

Внезапно его телефон завибрировал. Игнат посмотрел на экран и нахмурился: «Неизвестный номер». Он собирался отклонить вызов, но что-то заставило его ответить.

— Рукавишников, — недовольно сказал Игнат, приняв звонок.

— Игнат, это Марфа, — раздался в трубке старческий, но твёрдый голос. — Ты на площади?

Игнат удивился. Уж от кого, а от Марфы звонка он вообще не ожидал.

— Да, Марфа Петровна. Что случилось?

— Уходи оттуда. Уводи дочь. Сейчас.

Игнат недоуменно посмотрел на Настю и на Витю, который как раз склонился над своей тетрадкой.

— В чем дело? Концерт вот-вот начнётся.

— Небо... оно сегодня неправильное. И звезды горят злым огнём. Я в костях чую беду. Уходи!

— Марфа Петровна, спасибо за заботу, но всё под контролем, — вежливо, но твёрдо сказал Игнат.

Он терпеть не мог суеверий и каждый раз злился, когда Инга ездила к этой ведунье.

Марфа вздохнула. Вздох был таким тяжёлым, словно доносился из-под земли.

— Твоё упрямство — это твоя сила, но не сегодня, Игнат. Инги кровь береги.

И она положила трубку.

— Кто это? — спросила Настя.

— Никто, — отрезал Игнат, убирая телефон. — Бабушка одна вспомнила.

— Марфа? — вдруг спросил Витя, поднимая голову. — Это та, которая... ведунья? Я слышал о ней. У неё странные методы, но некоторые её предсказания сбывались. Например, в девяносто восьмом она...

— Хватит, — оборвал его Игнат. — Пойдём, встретим группу. И без глупостей.

Витя захлопнул тетрадь, но взгляд у него стал задумчивым.

Глава 5. Что ты такое?

Концерт шёл с оглушительным успехом. «Квантовый сдвиг» выкладывался на все сто. Гитарные риффы сотрясали воздух, барабаны отбивали ритм прямо в груди многотысячной толпы. Люди скандировали, подпрыгивали, образуя массу из восторга и адреналина. Игнат стоял за кулисами, наблюдая за дочерью и происходящим на сцене. Настя подпевала, закрыв глаза, полностью отдавшись музыке.

Витя стоял чуть поодаль, но не танцевал. Он смотрел на небо. Периодически доставал тетрадь, сверялся с какими-то своими записями, потом снова прятал.

— Ты чего? — крикнула Настя, заметив его странное поведение.

— Комета, — ответил Витя, тоже крича, чтобы перекрыть музыку. — Она должна быть видна уже сейчас. Но её нет. По расчётам, она уже должна была появиться над горизонтом.

— Может, облака мешают?

— Посмотри сама, — Витя указал вверх. — На небе нет ни облака. Абсолютно чистое небо. Её должно быть видно. А её нет.

Настя подняла голову. Действительно — ни облачка. Только темнеющая синева вечернего неба и яркие звезды. Но никакой кометы.

— Может, ты ошибся в расчётах? — спросила она.

— Я не ошибаюсь, — твёрдо сказал Витя. — Я проверял трижды.

Настя хотела что-то ответить, но в этот момент настала кульминация. Солист группы Макс Планк, высокий худой парень по кличке Профессор, вышел на авансцену. Гитара в его руках запела одинокую, пронзительную мелодию, похожую на сигнал из глубин космоса.

— И спасибо человеку, который подарил нам этот шикарный вечер! — закричал Профессор в микрофон. — Игнату Рукавишникову! Давайте же поблагодарим его!

Толпа взревела. Игнат, смущённо улыбнувшись, поднял руку в приветственном жесте.

И в этот самый момент Витя схватил Настю за руку.

— Смотри! — его голос сорвался на фальцет.

Настя подняла голову.

На небе, прямо над сценой, загорелась звезда. Она была слишком яркой, слишком большой и слишком... неправильной. Она пульсировала, а позади неё медленно, как дымок из кружки с горячим чаем, вытягивался невероятно красивый полупрозрачный, переливающийся разными цветами, хвост.

— Комета, — выдохнул Витя. — Она появилась. Вот она. Я же сказал, что я не ошибаюсь!

— Надо же, какая красивая? — Настя не могла оторвать взгляд от пульсирующей точки.

— Ещё бы. Только как-то странно она появилась, — Витя уже достал тетрадь и что-то лихорадочно записывал, подняв голову к небу. — Мгновенно. Это противоречит законам физики. Объекты такого размера не могут просто материализоваться. Это всё равно что...

Он не договорил. В этот момент небо озарилось фиолетовым светом. Этот свет не имел источника, он просто появился в темноте из неоткуда. И через секунду начали появляться такие же фиолетово-зелёные облака. Облака образовывались также из пустоты и мерцали, как будто внутри них сверкали молнии, но без грома. Вся площадь замерла, наблюдая это странное, немного пугающее и волшебное явление.

— Что это такое? — спросила Настя.

— Я не знаю, — ответил Витя, совсем не смотря, что и как он записывает в тетрадь.

Неожиданно в километрах пяти от площади в землю из облака ударила зелёная молния несколько раз. Тишина стояла на площади. Через 15 секунд её накрыло небывалым грохотом раскатов грома. Некоторые девушки даже закричали.

Как только гром утих, хлынул дождь.

Но это был не обычный летний ливень. Не было ни нарастающего ветра, ни первых редких капель, ни далёких раскатов грома. Дождь начался сразу — стеной, завесой, сплошным потоком. Словно кто-то на небесах открыл шлюзы.

Витя поднял лицо к небу. Его глаза расширились за стёклами очков.

Первые капли упали на сцену, и прожектора, настроенные на автоматическое слежение, выхватили их. И замерли.

Капли светились. Не от прожекторов. Сами.

Они переливались всеми цветами спектра: нежно-фиолетовым, ядовито-зелёным, глубоким сапфировым, золотистым, алым. Они падали не струями, а словно живым, мерцающим занавесом.

На секунду воцарилась оглушительная тишина, нарушаемая только шипением усилителей. Полнейшая массовая тишина. И только странный шум необычного дождя. Молчание длилось долгую минуту.

А потом площадь взорвалась массовым возгласом восторга.

— Ух ты! Это что, такой световой эффект? — закричал кто-то.

— Круто! — взревела толпа.

Люди подставляли лица и руки под сияющие струи. Смех, восторженные крики. Кто-то из звукорежиссёров, решив, что это часть шоу, добавил трек с космическими звуками. Праздник достиг апогея.

Витя не двигался с места. Он стоял под навесом — немногий, кто не выбежал под дождь. Он смотрел на падающие капли с выражением ужаса, которое никто вокруг не замечал.

— Настя, — крикнул он. — Настя, не выходи! Это не световой эффект! Я не знаю, что это, но это не эффекты!

Но Настя уже выбежала.

— Пап, смотри! — Настя выбежала из-под навеса, раскинув руки. Её тёмные волосы мгновенно промокли и засияли странным светом, вдобавок подсвеченные прожекторами. — Это невероятно! Как в сказке!

Игнат почувствовал ледяной укол тревоги. Он посмотрел на небо. Сквозь облака виднелась комета. Она висела высоко в тёмном небе, но ощущение её близости и какого-то невероятного и необъяснимого притяжения создавало впечатление, что она прямо над сценой, в нескольких сотен метров. Она светила, пульсируя, выпуская странные струи то ли пыли, то ли чего-то ещё, что создавало невероятной красоты хвост. И с каждой пульсацией с неё срывались новые вспышки.

— Настя, иди под навес! — резко скомандовал он.

Она, словно загипнотизированная, не слыша никого, смеялась, кружась под разноцветными переливающимися каплями. Её лицо и руки уже покрылись тонкой серебристой пленкой, которая мерцала на свету.

— Настя, послушай Витю! — крикнул Игнат, сам не зная почему. Но что-то в голосе этого странного парня заставляло слушать.

— Настя, — Витя подбежал к краю навеса, не решаясь выйти под дождь. — Это вещество! Смотри на аппаратуру!

Игнат уже видел. Прожектора начали мигать, звук захрипел, из динамиков пошёл белый шум. Потом один из прожекторов взорвался с сухим треском, осыпав сцену искрами.

— Ток пробивает! — закричал кто-то из монтажников.

Витя схватил Настю за руку и дёрнул под навес.

— Не стой под этим, — сказал он жёстко. — Это не вода.

Игнат видел, как люди, словно загипнотизированные, подходили к лужам, которые образовывались на асфальте. Жидкость была густой, маслянистой и переливалась ещё ярче, чем дождь. Она собиралась в причудливые озёрца неземной красоты.

— Не трогайте это! — закричал Игнат, но его голос потонул в грохоте восторженного рёва толпы. Он видел это как в замедленной съёмке. И, тут вдруг, вспомнил как Марфа сказала: «Инги кровь береги!» Эти слова старой ведуньи прозвучали в голове Игната как будто их исполнили в огромном храме и так громко, что эхо этих слов разлетелось по всей вселенной долгим послезвучием.

И вдруг у края сцены, где сидел звукорежиссёр в палатке, раздался крик. Пожилой мужчина схватился за сердце, упал. Его кожа — под светом прожекторов — стала серебристой. Не бледной — металлической. И под ней пульсировал слабый сиреневый свет.

— Сердце! — закричал кто-то. — У него сердце остановилось!

Но врач, подбежавший к нему, отшатнулся.

— Оно не остановилось, — сказал он растерянно, пощупав артерию на шее и прислонив ухо к груди мужчины. — Я... я не слышу тоны, но пульс есть. Он... он живой, но.

В этот момент с неба, прямо в центр площади, камнем упала стая птиц. Голуби, вороны — десятки тел. Они бились в агонии, их перья отливали серебром.

— Что это? — прошептала Настя.

— Птицы ночью? — задал себе вопрос Витя. — Птицы ночью не летают. Только совы. Но тут нет сов.

Игнат схватил Настю за плечи.

— В машину. Быстро.

Он побежал к пикапу, таща дочь за собой. Витя — следом, сжимая тетрадь.

— Витя! — крикнула Настя, когда они уже садились. — Ты как? Ты был под навесом?

— Был, — ответил Витя. — Но... я чувствую. Что-то меняется. Внутри.

Он поднял руку. На запястье, под кожей, едва заметно пульсировал сиреневый свет.

Игнат завёл двигатель.

— Держитесь.

Пикап рванул с места, объезжая обезумевшую толпу. В зеркале заднего вида площадь всё ещё сияла — тысячи людей, танцующих под светящимся дождём.

Витя достал тетрадь и написал:

«Начало события. Время: 21:47. В небе ниоткуда появились разноцветные, светящиеся облака. Пошли разноцветные осадки в виде дождя. Комета материализовалась мгновенно. Первые жертвы — сердечники и птицы. Кожа становится серебристой. У меня тоже симптомы. Название: переплавка. Откуда я это знаю — не помню».

Он захлопнул тетрадь и посмотрел в окно, на извилистые дорожки светящейся жидкости.

— Что ты пишешь? — спросил Игнат.

— Дневник, — ответил Витя. — Кто-то должен запомнить, как это началось.

Он всю дорогу смотрел на комету, пытаясь найти хоть какое-то объяснение. Но научного объяснения не находил.

Часть вторая: Ускользящая тень

Глава 1. Масло и бензин

Детство Игната пахло бензином, машинным маслом и озоном после сварочного аппарата. Его мир был ограничен стенами отцовского гаража-СТО на окраине города. Пока другие мальчишки гоняли мяч, он с шести лет подавал отцу ключи, а к десяти уже мог с закрытыми глазами разобрать и собрать карбюратор.

Отец, Виктор, угрюмый и немногословный трудяга, был его главным и единственным учителем. Мать, Алла Андреевна, школьный учитель литературы, пыталась привить сыну любовь к Пушкину и Толстому, но душа Игната лежала не к поэзии слов, а к поэзии механизмов. Рев мотора был для него симфонией, а прямой выхлоп — балладой.

В шестнадцать он купил за копейки убитый мопед «Карпаты», и они с отцом вдвоём подарили ему вторую жизнь. Когда Игнат впервые завёл отреставрированный мопед, и тот ответил ему уверенным, ровным гулом, он понял, что такое счастье. Это была не романтика открытых дорог из книжек, а конкретное, осязаемое чувство власти над силой, заключённой в металле.

— В институт надо, Игнат, — говорила мать, с грустью глядя на его вечно чёрные от мазута руки.

— Буду учиться, — кивал он. — На юриста. Денежно и чисто.

Он не врал. Он просто видел дальше. Гараж отца был мал и тесен. Игнат мечтал о своей сети мастерских, о клубе для таких же, как он, о большом деле. А для этого нужна была «корочка» и знания, как обходить юридические рифы. Он поступил на юрфак, продолжая по вечерам и в выходные колдовать над моторами в том самом гараже, который теперь перешёл от отца к нему. Он был чужим среди будущих адвокатов и прокуроров. Слишком прямой, слишком грубоватый. Но зато он был единственным на всём курсе, у кого была своя, пусть и скромная, но реальная работа. И его собственный, собранный своими руками, мотоцикл «Урал», рёв которого будил спящие дома по утрам.

У него была тайна, о которой он никому не рассказывал.

В девятнадцать лет он починил старенькую «Волгу» знакомому бизнесмену. Тот остался доволен, заплатил щедро. А через неделю Игнат узнал, что на этой «Волге» сбили человека. Насмерть. Тормозная система, которую он перебирал, отказала в самый ответственный момент.

Он тогда не спал три ночи. Перебирал в голове каждый винтик, каждую гайку. Он сделал всё правильно. Но чувство вины осталось. Навсегда. Игнат перестал брать заказы на тормозные системы. Никогда. Даже для друзей. «Я отвечаю за каждый болт» — это было не бравадой. Это было клятвой перед тем, кого он не смог спасти.

Глава 2. Поэт и механик

Именно на этом «Урале» он и познакомился с Андреем. Хотя нет — сначала он его просто видел. В коридорах института. Щеголеватый, всегда в чистой рубашке, пахнувший дорогим одеколоном. Из тех, кто смотрит свысока. Игнат тогда думал: «Ещё один мажор».

Ошибался.

Тот вечер выдался холодным и промозглым. Игнат возвращался из мастерской — руки в масле, в куртке дыра на плече, «Урал» рычит на всю улицу. Он уже сворачивал к общежитию, когда заметил у автобусной остановки знакомый силуэт.

Андрей стоял под фонарём, на плече — кофр с гитарой. Ждал автобуса. Рядом с ним кружили трое. Подвыпившие, громкие, с цепями на джинсах.

— Эй, музыкант! — крикнул один, коренастый, с бычьей шеей. — Сыграй нам! Чего стоишь, как неродной?

— Поздно уже, — ответил Андрей спокойно.

— Тебе, чё — впяцлю людям сыграть?! — второй, тощий и злой, шагнул ближе. — Тебя же по-человечески попросили!

— Парни, действительно уже поздно, да и устал я.

— Парни! — передразнил тощий. — Устал значит. — Тощий подошёл ближе.

Коренастый усмехнулся.

— Не хочешь играть — дай сюда гитару. Мы сами сыграем. А ты отдохнёшь.

Он протянул руку к кофру.

Игнат остановил «Урал» в двадцати метрах. Посмотрел. Трое на одного. У одного в руке бутылка, у второго — цепь. Гитара их зацепила, подумал Игнат. Интеллигент в чистой рубашке. Игнат узнал Андрея — этого «мажора». Такие драться не умеют.

«Не моё дело», — подумал Игнат.

Но нога уже скинула подножку.

— Эй, — сказал он, подходя. — Отстаньте от парня.

— Ты кто такой? — Коренастый развернулся.

— Игнат. Запомни меня. Потом пригодится.

— Нахрена мне тебя запоминать?

— Чтобы потом обходить меня за три квартала и моих друзей.

— Так вы друзья?

Андрей не понимал, что происходит, но видел, что ничего хорошего из этого выйти не может.

— Тебе нужно дружков получше выбирать, — ехидно сказал третий, который до этого времени стоял молча.

Игнат, не торопясь достал монету из кармана и кинул под ноги этому молчаливому.

— Это что? — спросил молчаливый.

— Твой гонорар за совет, — ответил Игнат. — Цена твоих слов.

— Не понял? — начал заводится молчаливый.

— Погоди, — осадил его коренастый. — А ты ничего не попутал, херота недоделанная?

— Да это вы тут подзапутались, ребяташки, — парировал Игнат. — Трое на одного. Вроде бы такие большие, а такие беспомощные — боитесь с одним парнем с гитарой не справитесь? Ссыте? — засмеялся Игнат.

Коренастый хотел ответить, но его тощий дружок уже кинулся на Игната с бутылкой. Игнат ушёл в сторону, перехватил руку, короткий удар — бутылка разлетелась вдребезги об голову нападавшего.

— Бей! — крикнул Игнат Андрею.

— Я не умею! — ответил Андрей, но уже отмахивался от второго, прикрывая кофр с гитарой.

Драка была короткой и жестокой. Игнат отправил в нокаут тощего, потом схватился с коренастым. Тот оказался крепче, чем выглядел на самом деле. Андрей пытался помочь, но третий — молчун — ударил его сзади. Андрей упал, кофр ударился о бордюр с характерным треском и плячущим звоном рвущихся струн.

— Гитара! — крикнул Андрей, и в его голосе была такая боль, что Игнат на секунду отвлёкся.

Коренастый этим воспользовался — ударил Игната в челюсть. У Игната потемнело в глазах, но он отшатнулся к мотоциклу, всё-таки устоял.

И тут молчаливый выхватил нож.

Игнат, быстро придя в себя, в ответ вынул монтировку из бокового кармана, прикрепленного к мотоциклу.

— Ну, рвись, тусовка! — крикнул Игнат, покрутив в руках железное орудие, которое всегда возил с собой. — Давай, подходи!

На секунду все замерли. Молчаливый с ножом. Игнат с монтировкой. Андрей на коленях у гитарного кофра.

И в этот момент за углом завывала милицейская сирена.

— Менты! — крикнул тощий, который уже очухался. — Сматываемся!

Хулиганы бросились врассыпную. Игнат сунул монтировку обратно, схватил Андрея за шкуру и потащил к «Уралу».

— Садись, быстро!

— Но гитара...

— Бери её быстро!

Андрей кое-как забрался в коляску, прижимая к груди явно разбитую гитару в кофре. Игнат дал газ. «Урал» взревел и рванул с места.

Минут двадцать они петляли по дворам, переулкам, заброшенным улицам. Сирена то приближалась, то удалялась. Андрей одной рукой вцепился в поручень, а второй прижимал кофр с гитарой. Игнат вёл мотоцикл с таким ожесточением, будто это был не город, а гоночная трасса.

Наконец они оторвались от назойливых сирен милиции. Игнат свернул в гаражный кооператив, загнал «Урал» в свой бокс и выключил двигатель.

Тишина.

Андрей сидел в коляске, глядя перед собой пустыми глазами. Разбитая губа кровоточила. Очки треснули. По виду кофра в его руках было понятно, что гитара очень сильно пострадала.

— Тебя как зовут? — нарушил тишину Игнат.

— Что? — растерянно посмотрел Андрей.

— Как твоё имя? — чуть громче повторил Игнат, чтобы вывести из оцепенения пассажира в коляске «Урала».

— А! Да, — пришёл в себя Андрей. — Андрей.

— Игнат. — И протянул руку, чтобы рукопожатием закрепить знакомство.

— Зачем ты полез? — вместо этого спросил Андрей. Голос его был сухим, почти без эмоций. — Тебя это не касалось.

— Трое на одного — это нечестно, — ответил Игнат. — И, вообще-то мы в одном институте учимся. Я тебя видел там. Ты с юрфака. Третий курс.

— Второй, — поправил Андрей.

— Какая разница.

Андрей выбрался из коляски и открыл кофр, в котором находились уже обломки гитары. Игнат закурил. Посмотрел на то, что недавно было музыкальным инструментом.

— Да ладно тебе, это всего лишь дерево. Другую купишь.

— Много ты понимаешь! — огрызнулся Андрей.

Игнат увидел на деке фото молодого парня с девушкой, который был очень похож на Андрея.

— Это твоего отца?

— Отца, — Андрей отвел глаза. — Он мне её подарил. Перед... перед тем, как ушёл.

Игнат не стал спрашивать, куда «ушёл». Он выдохнул дым и сказал:

— Ладно. Не переживай. Починим.

— А ты как будто умеешь гитары чинить?

— Всё, что сломано, можно починить! — ответил Игнат. — Кроме судьбы.

Андрей посмотрел на Игната, который пускал дым кольцами и улыбался. Андрей улыбнулся в ответ.

Игнат забрал кофр с обломками и ушёл в глубь гаража, не спрашивая разрешения.

Три ночи он не спал. Игнат никогда раньше не ремонтировал музыкальные инструменты и даже не подозревал, насколько это непростая и скрупулёзная работа. Он максимально, насколько мог найти информацию, изучил, как ремонтируют, чем, при каких условиях. Даже консультировался в мастерской, где, собственно говоря, и могли бы починить гитару. Но ему необходимо было самому восстановить дорогой Андрею инструмент. Это было дело принципа.

На четвёртый день, уставший, но довольный результатом работы, он вернул Андрею гитару.

Андрей сидел в комнате общежития. Когда Игнат вошёл и положил гитару на стол, Андрей сначала не понял.

— Это... та самая?

— Та самая, — Игнат почесал затылок. — Только лучше. Старый гриф был хлипкий. Этот крепче.

Андрей взял гитару. Пальцы сами встали на струны. Он взял аккорд — и гитара запела. Чисто. Звонко. Даже лучше, чем раньше.

— Откуда ты умеешь? — спросил он.

— Возможно, талант к починке всего, — улыбаясь, пожал плечами Игнат. — Главное — понять, как что устроено. А если понял — починишь всё.

Андрей смотрел на него долго. Потом усмехнулся.

— Ты странный, Рукавишников.

— Сам такой.

Андрей взял гитару и долго смотрел на неё — с болью и любовью.

— Ну, давай, исполни что-нибудь.

— Что?

— Что первое сейчас пришло тебе в голову, то и исполняй. Надо же инструмент «обкатать». — с улыбкой сказал Игнат.

— Первое, что пришло? — сказал Андрей — Хорошо.

Он сел на стул поудобнее и бережно взял первый аккорд, как будто опасаясь, что она может опять рассыпаться в его руках. И он заиграл песню группы «Запрещённые барабанщики» - «Далеко».

Игнат не знал эту песню. Но она настолько попала в его состояние, что его мысли полетели спокойным ветром куда-то далеко под эти простые и душевные слова, невероятно гармонично вплетённые в мелодию этой, вроде бы незамысловатой, но такой проникновенной песни. то, как он писал стихи, никто не зная.

«Не такой уж он и мажор», — подумал Игнат, вернувшись из своих размышлений, когда Андрей закончил песню.

— Это чья за песня? — спросил Игнат.

— Запрещённые барабанщики.

— Да, ладно! — удивился Игнат.

— А ты думал они только про негра поют? — усмехнулся Андрей, укладывая гитару в кофр.

— Неожиданно.

— Да, в жизни бывают неожиданности. — подытожил Андрей.

— Это точно.

— Спасибо тебе, Игнат. И за гитару, и за помощь.

— Да, ладно. Может, если бы я тогда не остановился, может и чинить не пришлось.

— А этого мы уже никогда не узнаем. Что было — то было! Прошло. Теперь — идём вперёд. С меня простав!

— Андрюха, ты думаешь я буду отказываться? Не надейся! Я выбираю место!

— Договорились!

С того дня они стали не просто друзьями. Они стали почти братьями. Игнат знал, что Андрей не бросит в драке, даже если не умеет драться. Андрей знал, что Игнат починит всё, что сломано, — даже если это не железо.

Осенью в их поле зрения ворвалась Инга.

Глава 3. Ураган и выбор

Она появилась в коридоре института словно порыв свежего ветра. Высокая, стройная, с короткими тёмными волосами и насмешливыми глазами цвета горького шоколада. На ней были потёртые джинсы, кроссовки и рюкзак за спиной, хотя все остальные девушки щеголяли в туфлях и с сумочками. Она шла, ни на кого не глядя, но все мужские головы поворачивались ей вслед.

— Кто это? — выдохнул Андрей, ещё толком не забыв о несчастной любви.

— Не знаю, — ответил Игнат, и в его голосе прозвучала редкая для него неуверенность.

Ингой интересовались многие, но подступить к ней было практически невозможно. Она училась на факультете социальной психологии — младший курс, — жила одна в съёмной комнате, подрабатывая инструктором по скалолазанию. Слухи о ней ходили самые невероятные: якобы её подбросили младенцем к дверям интерната, что она одна прошла маршрут пятой категории сложности и ночевала на скале, что она могла перепить любого и остаться на ногах. Однокурсники говорили, что она сама — ходячий тест на прочность.

Андрей, как романтик, начал осаду по всем канонам: стихи, цветы, приглашения в театры и на вернисажи. Инге было приятно. Ей, выросшей без семьи, льстило внимание красивого, умного парня из хорошей семьи. Но при их общении с Андреем в её глазах не было огня. Она будто изучала его — как подопытного, как материал для курсовой.

Игнат же действовал иначе. Он молча наблюдал.

Соперничество между друзьями началось не сразу. Сначала они просто говорили о ней — урывками, в перерывах между парами, в гараже за чаем в железных кружках.

— Она ходит на скалодром по вторникам и четвергам, — сказал как-то Андрей. — Я узнал.

— Молодец, — буркнул Игнат, не отрываясь от карбюратора.

— Я пригласил её в кино. На тот французский фильм, про любовь.

— И что она?

— Сказала: «Посмотрим». Это почти согласие.

Игнат ничего не ответил. А через день, когда Андрей зашёл в гараж, он увидел на столе два билета — не в кино, а на концерт местной рок-группы в новое кафе, которое только открылось на набережной.

— «Кафейник»? — с удивлением и смехом прочитал Андрей на билетах. — Это что?

— Это как квартирник, только в кафе, — ответил Игнат, забирая билеты у друга. Игнат пожалел, что забыл убрать билеты со стола, когда пришёл в свой гараж. Срочная работа отвлекла его. Да и денег надо было подзаработать для такого случая.

— И с кем идёшь? — весело спросил Андрей, ещё ничего не подозревая.

— Не важно, — буркнул Игнат, понимая, что «спалился» и теперь нужно что-то быстро придумывать на ходу, а в голову, как назло, ничего не приходило.

— Давай колись! — всё ещё не думая о том, что перед ним его соперник, весело подкалывал друга Андрей. — Я её знаю?

— Ну... — замялся Игнат.

— Значит, знаю, — у Андрея постепенно веселье начало спадать.

— Да, знаешь, — отпираться было бесполезно, тем более что рано или поздно всё станет известно, решил Игнат. А изображать из себя что-то нелепое он не желал, тем более перед другом.

Андрей перестал улыбаться. В упор посмотрел на Игната.

— Ты тоже пригласил? — спросил Андрей с холодком в голосе.

— А что, нельзя?

— Можно, — Андрей криво усмехнулся. — Только она пойдёт со мной. Я первый пригласил.

— Она ещё ни с кем не пошла, — ответил Игнат. — Давай посмотрим, с кем она согласится вообще на свидание? Может, вообще обоих забреет.

— А она может, — в задумчивости согласился Андрей.

— Да это не только она может, бабы все такие, — подвёл итог Игнат, вытирая руки от масла.

— И что будем делать? Кино и концерт в одно время. Так бы вместе сходили, если что — или туда, или туда, если она не придёт, — улыбаясь, попытался пошутить Андрей.

— А давай будем действовать «в лоб»? — предложил Игнат. — По «чесноку» — напрямую!

— Это как? — не понял Андрей.

— Заявимся к ней вдвоём и скажем: «Выбирай!» — Игнат смотрел на друга и ждал реакции на свой гениальный и тупой план.

Андрей ответил вообще неожиданным усилением этой ситуации.

— А давай ещё и поспорим на что-нибудь, — выдал он после небольшой паузы ещё более гениальное предложение. — С кем она не пойдёт, тот... — Андрей замешкался, соображая, на что же спорить.

— Моей «Урал»! — поставил точку в размышлениях Игнат.

На том и порешили. И пошли.

— Любопытно, — сказала Инга, стоя на лестничной клетке возле квартиры, где жила. — Значит, всё решили свалить на меня?

— Что свалить? — не понял Андрей.

— Не важно, — ответила Инга.

— Мы просто подумали, чего зря время тратить, а сразу напрямик, чтобы не было никаких недомолвок, — выложил все карты Игнат.

Инга посмотрела на Игната, потом на Андрея. Взяла у них билеты и цветы, которые они догадались купить.

— Хорошо! — задорно ответила она и вернулась в квартиру, плотно захлопнув за собой дверь и закрывшись на замок.

Друзья ещё минуту стояли в полном недоумении.

— И что теперь? — спросил Игнат.

— Видимо, вместе мы будем «Урал» мыть.

Они посмотрели друг на друга.

— Ладно. Я в кино, — с тоской сказал Андрей, глядя на второй билет.

— А я в кафе, — с весёлой обречённостью сказал Игнат. — Может, со мной пойдёшь?

— Нет. Иди сам. Завтра увидимся.

— Ага. В гараже. У «Урала», — со смехом ответил Игнат, бегом спускаясь по лестнице.

В этот же вечер Инга уехала в туристический поход на Кавказ. На десять дней.

Такого поворота парни не ожидали от Инги. Но зато игра в соревновательные ухаживания набрала новый виток, когда Инга вернулась.

Андрей писал стихи для Инги. Оставлял их в её почтовом ящике, подкладывал в рюкзак, когда она не видела. Инга читала, улыбалась, но ничего не говорила. Однажды он принёс ей цветы — целую охапку алых роз. Инга взяла, понюхала и сказала:

— Красивые. Только я больше люблю полевые. И вообще, розы — это про страсть, а не про чувства. Вы не знаете, Андрей, что я люблю. Вы влюблены в образ.

Андрей не сдавался. Он приглашал её на выставки, в театры, на концерты. Инга иногда соглашалась, но всегда находила причину уйти пораньше. Ей было приятно его внимание, но не более. Она будто ставила эксперимент: сколько можно получать, ничего не давая взамен?

Игнат не писал стихов и не дарил цветов. Он просто делал то, что умел.

Однажды он увидел, как она ковыляет по улице с проколотым колесом на своём стареньком велосипеде.

— Вези сюда, — сказал он, подъехав на своём «Урале».

— Сама справлюсь, — огрызнулась она.

— Вижу, как справляешься. Ясно, что ты крутая. Но колесо-то я почию быстрее.

Он не ухаживал. Он просто делал то, что умел. Починил велосипед. Потом помог починить сломавшийся замок в её комнате. Как-то раз, узнав, что на её мотоцикле (купленном в кредит) стучит двигатель, он без лишних слов забрал его в свой гараж и три дня кряду возился с ним после пар.

Инга иногда заходила в гараж. Смотрела, как он работает. Ей нравилось это молчаливое сосредоточение, запах металла и солярки, его уверенные, сильные руки. И её удивляло, что он не пытается ей понравиться. Он просто есть какой есть.

— Ты как будто разговариваешь с железом, — как-то сказала она.

— Оно честнее людей и конкретнее, — ответил Игнат, не отрываясь от карбюратора. — Сломалось — значит, есть причина. Нашёл причину — починил. С людьми так не получается.

— У каждого поступка есть причина, — возразила Инга. — Просто её сложнее найти, чем сломанный клапан.

— Может быть, — буркнул Игнат. — Но я привык к железу.

Андрей же говорил с ней о звёздах, о смысле жизни, читал стихи. И это тоже трогало её. Она оказалась в центре внимания двух сильных, но таких разных мужчин.

С Андреем было понятно и стабильно — он в будущем дипломат или юрист, хорошо зарабатывающий. Вежливый, внимательный, заботливый. Беспокоящийся.

Игнат — сильный, надёжный, рискованный. Много не говорит. Человек дела и слова. Но какое будущее?

И чтобы разобраться в самой себе, она, будучи умной, азартной и вдобавок психологом, не могла удержаться от игры. Она принимала ухаживания Андрея и проводила время с Игнатом в его царстве масла и металла. Ей было интересно наблюдать, как меняется её собственное восприятие.

Но настоящий выбор случился позже.

Однажды ночью Инга не могла уснуть. Что-то непонятное её беспокоило — тоска, одиночество, чувство, что она не принадлежит этому миру. Она перебрала в голове все лекции по психологии личности — не помогло. Тогда она накинула куртку и пошла в гараж.

Игнат был там. Один. Он возился с мотоциклом — не её, а каким-то другим. Инга села на ящик и молча смотрела.

— Привет. «Зачем пришла?» — спросил он, не оборачиваясь.

— Не знаю, — честно ответила она. — Не спалось.

— Бывает.

Он работал ещё полчаса. Она смотрела. Потом он выключил свет, сел рядом, достал две железные кружки и термос с чаем.

— Ты всегда здесь? — спросила Инга.

— Почти.

— И не скучно одному?

— Привык, — сказал Игнат. — Люди — они сложные. Не то что машины. Они не предадут.

— Ты боишься предательства? — спросила Инга. Вопрос был не праздный — на первой же лекции по социальной психологии им сказали: «Спроси человека, чего он боится, — и узнаешь, чего он стоит».

— Боюсь не предательства, — ответил Игнат. — Боюсь, что не смогу починить то, что сломано.

Инга молчала долго. Анализировала. Подбирала слова.

— Андрей вчера читал мне стихи, — сказала наконец. — Про звёзды. Очень красиво.

— И что?

— И ничего. Красиво — но не греет.

Игнат повернулся к ней и посмотрел в глаза.

— А я грею?

— Не знаю, — сказала Инга. — Одно в тебе хорошо.

— Что?

— Ты не пытаешься быть тем, кем не являешься. Это редкость.

Она встала. Надела рюкзак. Уже у выхода обернулась.

— Я приду завтра? Если ты не против.

— Приходи, — сказал Игнат.

Она пришла. И на следующий день. И через неделю.

Андрей узнал об этом не сразу. А когда узнал — пришёл в гараж.

Они сидели на ящиках из-под запчастей, пили чай из железных кружек и смеялись над историей, как однажды Игнат, будучи ещё пацаном, решил на отцовском УАЗе переехать реку, но тот начал упорно тонуть, и Игнату тогда досталось от отца. В их взглядах была такая простота и легкость, которой никогда не было в общении Андрея с Ингой.

— Ты пользуешься тем, что я устраиваю ей романтику, а сам везёшь её в свою вонючую берлогу? — набросился Андрей на Игната. В его голосе кипела ярость и боль.

— Какая разница, где быть вместе? — спокойно ответил Игнат. — Важно, кому с тобой хорошо. Ей здесь хорошо.

— Она играет нами обоими!

— Может быть. Но выбор за ней.

— Значит, ты сделала выбор? — сказал Андрей глухо, но злость уже начала проходить.

Инга встала, подошла к Андрею.

— Да, — ответила она. — Сделала.

— Почему он?! — спросил он, вновь ощущая прилив ненависти. — Я же дарил тебе стихи. Цветы. Внимание.

Инга взяла его за руку, посмотрела прямо в глаза и сказала:

— Андрей, ты прекрасен. Как картинка из глянцевого журнала. Ты дарил мне то, что хотел дарить ты, — ответила Инга. — А он... он просто был собой. И позволил мне быть собой. Это сложно объяснить. Люди выбирают не тех, кто красивее говорит, а тех, с кем легко и хорошо.

— Это хорошо, когда хорошо, — сказал Андрей, чувствуя, как обида и боль подкатывают к горлу и рвут сердце.

Он молча развернулся и вышел из гаража, не закрыв дверь.

Андрей ушёл, не прощаясь. А Игнат и Инга остались в гараже — среди масла, железа и тишины, которая была громче любых стихов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.